

Иван ГОБЗЕВ

Иван Гобзев родился в 1978 году. Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат философских наук. Печатался в журналах «Нева», «Новая Юность», «Зинзивер», «Дружба народов», «Урал» и др. Предыдущая публикация в «Волге» – рассказ «Другой мир» (2024, № 9-10).

ОКНО

Рассказ

Неизвестно, кто первый обратил внимание на это окошко. Ничего особенного в нём не было, обычное окошко на цокольном этаже, можно сказать, в подвале. И вид из него был вроде самый обычный – высокое белое здание вдаль, ветвистый дуб, небо с облаками, птицы, кусок ржавой крыши. Всё как обычно, как и во всех окошках.

Обычно, да не совсем. Кто-то однажды заметил, что высокого белого здания, если выйти из подвала на улицу, не будет видно. А кусок ржавой крыши на самом деле не ржавый. Что касается дуба – то в окошке он был зеленым и зимой, и летом. Небо же в нём всегда было голубым, даже если на самом деле снаружи мела метель. Это было странно, это было удивительно, и с этого у нас начался интерес к этому окошку. Мы приходили, смотрели, изумлялись и уходили.

Но большинство, хотя и находило это необычным, быстро привыкло и приняло как должное, как нечто такое, что объяснить трудно, но что просто есть. И эти люди уже не приходили. Были и другие, в том числе я. Мы видели, что необыкновенное в этом окошке не только то, что за ним есть, но и как это есть. Объяснить это трудно, и не могу ручаться, что другие видели так же, как и я. Но я уверен: у нас были схожие чувства – не может же человек, замерев, стоять по часу и более в подвале у окна, как будто там показывают какое-то невообразимое представление.

Но в том-то и дело, что в нём ничего не показывали. И ничего чудесного там не было – здание, дерево, крыша, небо, птицы. Всё это можно увидеть где угодно. Однако глядя на высокие глухие стены дома, я забывал о времени. Мне отчего-то казалось, что он – то, каков он есть снаружи, и то, что может быть в нём внутри – имеет ко мне самое непосредственное отношение и как будто говорит со мной на языке, который я слышу, но не понимаю. И будто бы даже, как безумно это ни звучит, между мной и ним есть связь, и смысл этой связи – есть сама моя жизнь!

Но дело было не только в доме – те же непонятные мне чувства я испытывал и от вида ветвистого дуба, и от синевы неба, и от птиц, реющих в вышине. Но самое чудное было то, что и кусок ржавой крыши точно так же пленял меня и говорил со мной, и это казалось совсем уж смешным. Конечно, я имею в виду не буквальное говорение. Я не раз пытался объяснить себе, что же это на самом деле такое и что я чувствую, но не мог – выходило точно так же непонятно, как я только что рассказал. Как будто бы то, что я собираюсь выразить, невыразимо – пытаюсь это сделать, я использую знакомые слова, но в том-то и дело, что оно совершенно незнакомо и слов для него нет.

Кто-то предприимчивый – такие всегда есть, кто не будет просто смотреть и удивляться, а перейдёт к делу – снял раму вместе со стеклом. Вид из-за этого стал гораздо лучше, потому что стекло было покрыто грязью. Теперь небо стало ещё синее, а облака с домом белее, и дерево, такое густое и живое, ещё живее. Птицы летали по-прежнему далёкими галочками, разве что стали более чёткими, а кусок крыши заржавел сочнее и ярче.

Но дальше дело не пошло – снаружи окна была решётка, не очень частая, но достаточно толстая и прочная. Была идея срезать её, но многие оказались против: не мы ставили, не нам ломать. А потом как-то стали и интерес терять к нему. Все знали, что оно есть и что в нём видно то, чего снаружи подвала нет, но привыкли к этому и перестали удивляться – так всегда бывает, со временем ко всему привыкаешь. Да и в самом деле ничего чудесного там не было. Ну дом, ну дерево, ну небо с птицами... И что?

Но всё же снятие рамы имело одно следствие, которое не всеми и не сразу было замечено: чтобы его заметить, надо было у этого окошка долго постоять, иногда и по нескольку часов, и быть при этом очень внимательным. Но и тогда могло ничего не произойти, мне, скорее всего, просто повезло.

Однажды, когда всем уже это надоело, я был в подвале один. Был долго, может быть всю первую половину дня. Я ждал, что вдруг появится что-то новое, например, человек пройдёт или ещё что, но ничего нового не происходило, всё шло по-старому: дом, небо, дерево, крыша и так далее. От постоянного напряжённого смотрения у меня разболелись глаза и голова, и я уже не получал прежнего удовольствия – в котором, кстати, было не только удовольствие, но и какая-то тоска – не получал, потому что просто устал, истомил себя мучительным всматриванием. И тогда я подумал: всё, хватит. Я ухожу и больше приходить не буду, есть в этом что-то нездоровое.

И в тот момент, когда я уже отстранился от окна, из него повеяло. Впервые за всё время, что я провёл в подвале, ветер подул в мою сторону, и я ощутил его кожей. Но не это было главное, а то, что ветер принёс с собой едва уловимые запахи чего-то такого особенного, что я точно определить не мог. Сначала мне показалось – это цветочный запах, хотя и не ясно было, из каких цветов он состоит, потом мне показалось, что это горький дух сырой земли, потом – что это пахнет ранней весной, когда бегут ручьи. Потом терпко повеяло солёным морем, и ветер, словно подтверждая моё предположение, донёс еле слышный звук – звук прибоя. Но тут же он пропал, и я услышал (мне казалось, что услышал, звуки были едва уловимы) смех. Он так же быстро прекратился, превратившись в гул, какой бывает в деревьях от сильного ветра. «Уж не этот ли дуб шумит?» – подумалось мне. А потом ветер стих, и с ним исчезли запахи и звуки. И я уже не был уверен, что вообще что-то заметил, потому что слишком кратко это было и ненадёжно.

С тех пор со мной стало происходить что-то странное. Не что-то новое – мне кажется, это уже бывало и раньше, и наверное даже всегда, сколько я себя помню – но я как-то не придавал этому значения. А стало вот что.

Идя куда-нибудь по делам или просто гуляя, я начал замечать, что какие-то виды, вещи, да всё что угодно вызывает во мне внезапное волнение. Это волнение было схожим с тем, что и в подвале: оно было приятным и в то же время болезненным, и причину его я тоже не понимал.

Как-то, проходя какими-то улочками, где я раньше не бывал или бывал очень давно, я увидел сплошь застеклённое здание, в котором всякое отражается. И я, поражённый чем-то, остановился и всматривался в него, и в воображении моём всплывали странные образы, как будто из прошлого, однако, подумав, я понимал, что только сейчас их придумал. «Мне чего-то этого хочется, поэтому я тревожусь!» – говорил я себе в такие моменты, не понимая, впрочем, чего именно хочется. То же чувство у меня могло вызвать и пятно заброшенного газона, и старые качели, и клумба, и камень, и кусок дороги, и случайный запах, да всё что угодно. И я понимал, что дело всё же не просто в каких-то позабытых переживаниях.

Пробуя разобраться, я иногда подолгу стоял у места, вызвавшего это ощущение, и всматривался в него, внюхивался, шёл по нему, но всё, что было в результате – так это только то, что через некоторое время ощущение проходило, оставляя зияющую пустоту. Оказавшись в этой пустоте, я, неприятно удивлённый ею, шёл дальше. Одно мне было ясно: есть связь между окошком в подвале и тем, что я сейчас переживал. Связь эта казалась несомненной,

потому что опыт был похожий: и волнение, и печаль, и впечатление, как будто кто-то говорит с тобой на непонятном языке о чём-то чрезвычайно важном, касающемся самой сути, но ты ничего не понимаешь и даже не понимаешь, сути чего это касается. Хотя вот что странно, оно настолько рядом, что руку протяни и потрогай...

Все места были непостоянны. Однажды пережив этот опыт, я больше не чувствовал ничего, снова придя туда и увидев те же предметы. Значит, дело было не в конкретных местах и вещах.

Я строил гипотезы, но все они были ничем не обоснованы. Единственное, что мне стало казаться правдоподобным, – в этих моих переживаниях есть нечто детское, но только в том смысле, что они заставляли меня испытывать чувство возвращения к чему-то, отстающему далеко от меня сегодняшнего. Ко мне самому? Но если так, то к какому-то такому, каким я никогда не был.

Дошло до того, что я стал пытаться попасть в тот другой, воображаемый мир. Я убедил себя, что временами как бы открываются некие порталы, и они дают знать о себе, так как, возможно, я с ними связан, и я должен понять, что они до меня доносят, и суметь пройти через них. Конечно, я никому об этом не говорил, потому что воспринимать это всерьёз было невозможно. Я и сам не воспринимал это всерьёз и шутил над собой, но всё же проверял.

Проверял я это так. Вдруг наткнувшись на долгожданное чувство (а иногда этого приходилось ждать месяцами), я останавливался в том месте, где это случилось, и начинал его исследовать. Я ходил по нему вдоль и поперёк, всматривался, внюхивался, трогал и как-то даже попробовал на вкус, и очень напугал этим женщину с детьми, которые в это время играли на площадке поблизости. Но это ни к чему не приводило. Чем больше активности я проявлял, тем хуже становилось – моё чувство покидало меня. Так я понял, что лучший способ действовать – это просто внимать.

Нередко у меня возникало впечатление, что эти порталы на самом деле устроены как лабиринты, и надо лишь, не растеряв по дороге чутьё, пройти туда, куда они ведут. И я пытался, и в самом деле бывало иногда, что находил череду чудесных мест и предметов подряд. Так было этой зимой. Сначала я увидел какую-то будку с деревянными стенками и облезшей краской, и в этом было то самое. Потом, принявшись (как собака, идущая по следу), я обнаружил люк в асфальте, говоривший о том же. Дальше больше – ограждение газона, макушки елей, луч солнца на пожухлой траве, морозная свежесть и сияние в стёклах. А потом вдруг: рабица, шлагбаум и пустырь, и я понял, что заблудился и иду не туда. Раз потерявшись, найти вход в лабиринт я уже не мог, как будто исчезал сам лабиринт. А в другой раз в прежнем месте уже ничего не бывало. Но наоборот – рабица, шлагбаум и пустырь могли вдруг заговорить со мной.

Но разница была – за окошком был не случайный вид, который вдруг заставлял меня испытывать то, что я испытывал, а нечто постоянное. И я снова стал ходить в подвал и часами стоял, прильнув к нему. Там всё было как раньше и так же завораживающе, как будто за тем, что я видел, на самом деле скрывалось нечто совсем иное, просто для удобства обернувшееся обычными вещами. Я опять часами не мог оторваться от глухой стены дома, залитой светом: иногда она казалась мне торжественной и величественной, иногда уютной и покойной. Мне хотелось оказаться под кроной дуба, живущего своей подвижной жизнью, и в какие-то моменты мне даже представлялось, что я там и есть. Я прямо чувствовал необходимость лежать под солнцем на ржавой крыше – такой сочно-рыжей и горячей, и мне представлялось, что я лежу на ней, и всё иначе, чем есть, но что именно иначе, я не понимал. И обычное небо с самыми обычными птицами было самым необычным и вызывало во мне временами такое волнение, что я начинал дрожать, как от холода. А когда, очень редко, поднимался ветерок, и до меня доносились далёкие звуки и запахи, я даже как будто переносился туда, но вдруг потом всё проходило, я уставал и больше ничего не чувствовал.

Со временем я перестал ходить в подвал. Я даже не помню, когда именно это произошло – когда был последний раз. Но всё бывает в последний раз, и это наверное даже хорошо, что мы не помним эти последние разы.

Почему я перестал ходить – видимо, потому что просто надоело до боли в глазах всматриваться. После нескольких часов, проведённых у окошка, я чувствовал себя так, как будто весь день занимался тяжелым физическим трудом. И полное опустошение, ведь несмотря на все усилия, я не получал того, чего хотел – я не оказывался там, внутри. Да, теперь мир за окном я называл не «снаружи», а «внутри».

Впрочем, одна моя подруга, очень умный и учёный человек, которая вообще, кстати, не интересовалась видом из этого окошка, предложила такое объяснение. По её мнению, пережитое мной есть не более чем возвращение – возвращение к детскому восприятию. Эти виды, сказала она, по какой-то причине работают как триггеры, которые активируют ранние неосознаваемые впечатления, а ранние впечатления обычно связаны со специфическим детским мировоззрением, для которого характерны непосредственность, простота и даже (тут она немного смутилась, чувствуя, что звучит не совсем научно) любовь. И торопливо пояснила: речь идёт о типично детской любви к миру, которая потом, в силу ряда физиологических и бытовых факторов, утрачивается.

Она была убедительна и я не имел оснований не верить ей. И правда, согласился я, всё дело в возвращении. Когда я переживал то, что переживал, будь то вид за окошком или что-нибудь на улице, я в самом деле хотел вернуться. Но мне кажется, она дала слишком поверхностное объяснение. Да, я хотел вернуться, но, как это ни странно звучит, куда-то туда, где я никогда не был, даже ребёнком, и где я – не я.

Впрочем, это все досужие и бестолковые разговоры, не имеющие никакой силы. Просто мы всегда пытаемся объяснить что-то непонятное понятным, но действительные причины могут отстоять очень далеко, так обычно и бывает. И как и все, я привык, и перестал удивляться и задавать вопросы. Ко всему привыкаешь.

Но иногда у людей вдруг вспыхивает новый интерес к этому окошку. И они опять начинают приходить в подвал, стоять в очередях, смотреть. И чем длиннее очередь, тем больше людей выстраивается в её хвосте. Как будто основная цель – это не в окно смотреть, а постоять в очереди и этим выполнить некий загадочный долг. Глянув в него мельком, люди с облегчением уходят.